

так и не доводит до читателя — не выражает словесно. Как молчал он о своей «тайне» перед кроткой, так молчит он теперь о самом главном — при всей искренности горя, при всей любви к замученной им жене. Его «истина» распадается на ряд взаимоисключающих признаний: от «Измучил я ее — вот что!» до «...она виновата, она виновата!», и «Всего только пять минут опоздал» (24, 35, 17, 33; курсивы Достоевского). Он мечется между этими несоединимыми частями «истины» и никак не может их соединить «в точку». И попадает в заколдованный круг.

Противоречивость чувств, которые вызывает в читателе герой-рассказчик, — от отвращения к некоторым мотивам его поведения (и самому главному — желанию подчинить беззащитную женщину своей воле, то есть совершить насилие над другим человеком) до глубокого сострадания к нему придает восприятию рассказа особый, нервный характер. Обычно для трагических сюжетов чувство катарсиса к нам не приходит.¹⁰ Потому что своей исповедью герой цели не достигает. «Dixi et animam levavi» — этого испытать ему не дано.

Стараясь внушить себе, что он не виноват в смерти кроткой, герой — на стадии черновика — испытывает страстное желание: «Я вот что хочу: я хочу псалтырь читать» (24, 353). В псалтыри, которую обычно читали у гроба, он хотел найти успокоение — раз не мог найти в самом себе, — но и этого он не достиг: «Но по-славянски не умею и псалтыри нет!» (Там же). А в окончательном тексте Достоевский лишил героя и этого желания. Из церковных текстов он оставил герою только страстный призыв из Евангелия от Иоанна: «Люди, любите друг друга...». Но как и слова из герценовской повести («Есть ли в поле жив человек?»), этот призыв не дал успокоения рассказчику. Мир для него померк, солнце помертвело (и опять вспоминается шекспировский Отелло!). Последней живой деталью этого помертвевшего мира ему представляются лишь «ботиночки», которые «стоят у кровати, точно ждут ее». Вне этой детали — огромный мир, вызывающий у него теперь только безразличие. «О, мне все равно!» — вот все, что останется в его возвысившейся было душе, когда он окажется опять один на один с своими закладами.

...Смертью искупали свои злодеяния герои Шекспира. У самого Достоевского Раскольников очистился, покаявшись и приняв каторгу как благо; Ставрогин, Версилов, Смердяков расплатились сполна за свою жизнь — смертью, Иван Карамазов — сумасшествием.

У Чехова примитивный и грубый гробовщик Яков Бронза, мучивший жену, издевавшийся над хилым стариком Ротшильдом, в

¹⁰ Противопоставляя финалы «Кроткой» и «Записок из подполья», Р. Поддубная в названной статье (с. 65) связывает катарсис в «Кроткой» с тем, что герой освобождается от убеждения, что не стоит «исправляться» (в отличие от парадоксалиста). Но освобождение от неверного убеждения — не слишком ли этого мало для очищения души? Равнодушие и желание «отделиться» от общества приводят героя «Кроткой» не к катарсису, а к тупику.

конце концов понял свой грех перед людьми и выплакал его игрой на скрипке.

Монолог героя «Кроткой» кончился, как и начался, растерянностью и мукой: «...Вот пока она здесь — еще все хорошо (...) а унесут завтра и — как же я останусь один?» (24, 6) — «Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?» (24, 35).¹¹ Освобождения словом ему не дано.

Литературные мотивы, прямо указанные в тексте и только угадываемые, как видим, рождались на разных стадиях замысла. Они делали яснее истинные причины трагической истории, над осмыслением которой так мучительно и безрезультатно бился рассказчик в течение долгих часов. Свидетельствуя об общечеловеческом характере разыгравшейся драмы, настойчивые сопоставления Достоевским своего героя с персонажами прежних писателей (как и в других подобных в его творчестве случаях) отражают, как справедливо утверждат Г. М. Фридендер, его взгляд на свой труд как на продолжение развития опыта всей мировой литературы.¹²

¹¹ Ощущение заколдованного круга, в котором бьется мысль рассказчика, подчеркнуто в упоминавшемся исполнении роли актером О. Борисовым. Закончил исповедь героя фразой: «Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?», он вновь возвращается к началу рассказа: «...Вот пока она здесь — еще все хорошо: подхожу и смотрю поминутно; а унесут завтра и — как же я останусь один?». К этому дает основание сам Достоевский, начиная исповедь с многоточия и дав знать читателю, что она уже продолжается шесть часов...

¹² Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. М., 1979. С. 141.

Б. Н. ТИХОМИРОВ

О. НИКОЛАЙ ВИРОСЛАВСКИЙ — ДУХОВНИК ПИСАТЕЛЯ (К БИОГРАФИИ ДОСТОЕВСКОГО)

Из письма А. Г. Достоевской к Н. Н. Страхову от 21 октября 1883 г. и из воспоминаний Л. Ф. Достоевской известно, что предсмертная болезнь писателя началась днем 26 января 1881 г. с сильного горлового кровотечения, вызванного нервной травмой в результате «крупного разговора и почти ссоры» с сестрой Верой Михайловной по поводу «куманинского наследства».¹ Спустя некоторое время, когда приглашенный домашний врач Достоевских Я. Б. фон Бретцель «стал осматривать и выстукивать грудь больного, с ним повторилось кровотечение и на этот раз столь сильное, что Федор Михайлович потерял сознание».² Придя в себя, Достоевский выразил намерение исповедаться и причаститься. В письме

¹ См.: Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л., 1935. С. 352; Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери. СПб., 1992. С. 196—199.

² Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 373.

к О. Ф. Миллеру, написанном через несколько часов после события, А. Г. Достоевская сообщает о муже: «Одно время он был до того плох, что *доктора посоветовали* пригласить священника». ³ В мемуарах, которые создаются много позднее, несколько десятилетий спустя, Анна Григорьевна передает события иначе и, напротив, утверждает, что «доктор стал уверять, что опасности особенной нет», и только «чтоб успокоить больного», она «исполнила его желание»: «Мы жили вблизи Владимирской церкви, и приглашенный священник, о. Мегорский, через полчаса был уже у нас. Федор Михайлович спокойно и добродушно встретил батюшку, долго исповедовался и причастился». ⁴ Отметив неточность позднейшего мемуарного свидетельства об обстоятельствах начала предсмертной болезни писателя (в сравнении с письмом к Миллеру), обратимся к фигуре «батюшки», который исповедовал Достоевского.

«Что говорил Достоевский отцу Мегорскому, осталось неизвестным, — пишет И. Л. Волгин, — как, впрочем, мало что известно и о самом отце Мегорском». ⁵ Попытка внести некоторую определенность в наше знание о «батюшке» сделана в комментариях к воспоминаниям А. Г. Достоевской, где можно прочитать: «Мегорский Евграф Иванович (1839 — ?), священник Владимирской церкви в Петербурге (...), впоследствии протоиерей, настоятель Казанского собора, автор религиозно-нравственных сочинений». ⁶ Повторив эти сведения, И. Л. Волгин дополнительно сообщает, что прежде Казанского собора о. Мегорский был настоятелем церкви Митрофаньевского кладбища; к биографической справке о «батюшке» исследователь прилагает перечень его сочинений. Сведения о Е. И. Мегорском при желании можно было бы еще расширить, скажем, указав, что в 1904 г., на 65-м году жизни, он умирает. Но все это излишне. Излишне потому, что Е. И. Мегорский не исповедовал и не мог исповедовать Достоевского. Скорее всего, они даже никогда не встречались. Появление о. Мегорского на страницах биографии писателя основано на недоразумении, на цепной реакции ошибок.

Что позволяет нам сделать такой вывод? Во-первых, более конкретное знакомство с биографическими сведениями о Е. И. Мегорском, согласно которым он в течение 15 лет, с 1876 по 1890 г. является ректором Новгородской духовной семинарии и лишь в 1890 г. переведен в Петербург, действительно, настоятелем церкви Митрофаньевского кладбища. ⁷ (В частности, как ректор местной духовной семинарии Е. И. Мегорский назван в «Памятных книжках Новгородской губернии» на 1880 и 1881 гг.). Так что представляется совершенно бесспорным, что этот священник не мог исповедовать умирающего Достоевского.

³ Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 529.

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 373.

⁵ Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., 1991. С. 399.

⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 489 (Указатель личных имен).

⁷ Церковный вестн. 1904. № 49. С. 1564 (Некролог).

Но как же быть с мемуарами Анны Григорьевны, где авторитетно указано: «о. Мегорский»? Мы уже отметили неточность мемуаристики в обрисовке событий этого дня. Но у этого вопроса есть две стороны. Во-первых, при обращении к рукописи воспоминаний жены писателя обнаруживается, что фамилия «батюшки» вписана в текст позднее карандашом и со знаком вопроса: работая над эпизодом, Анна Григорьевна не смогла сразу вспомнить имя священника, оставила для него в строке свободное место, но и через некоторое время, восполняя лакуну, вовсе не была уверена в точности своей памяти. ⁸ Память, действительно, в очередной раз подвела жену писателя. Ей здесь могла бы помочь ее записная книжка конца 1870-х годов, где в перечне адресов знакомых поименованы и три священника Владимирской церкви (вполне логично предположить, что за одним из них и посылали в роковой день 26 января; однако о. Мегорского среди них нет). ⁹ Но, видимо, старой книжки в нужную минуту не оказалось под рукой. Впрочем, это лишь одна сторона вопроса. Не менее интересна другая: откуда вообще в памяти А. Г. Достоевской возник «о. Мегорский»? Правда, здесь мы уже вступаем в область гипотез.

У нас нет на этот счет документальных свидетельств, но всем, кто знает эту часть Петербурга, не покажется произвольным предположение, что и в 1873—1874 гг., когда они жили на Лиговке в доме Сливчанского, и в 1875—1878 гг., когда они жили на Греческом проспекте в доме Струбинского, — Достоевские были прихожанами Входоигерусалимской Знаменской церкви. И если это было действительно так, то занимающий нас вопрос получает вполне правдоподобное разрешение. Дело в том, что в феврале 1875 г. в Знаменской церкви появляется новый священник (до этого преподававший в разных духовных семинариях) — Д. Т. Мегорский, который «на первых же порах своей деятельности получил известность в приходе своими проповедями». ¹⁰ Более чем вероятно предположить, что именно Дмитрий Тимофеевич Мегорский и вспомнился спустя десятилетия А. Г. Достоевской: яркий проповедник заслонил в памяти мемуаристики более скромные фигуры священников Владимирской церкви, с которыми Достоевские общались позднее. Это предположение подкрепляется еще одним фактом. В том же 1881 г., через несколько месяцев после смерти мужа, А. Г. Достоевская вновь поселяется на Лиговке в доме Сливчанского — то есть опять в приходе Знаменской церкви; а в 1885—1887 гг. проживает по адресу: Знаменская, 2 (дом Коровина) — буквально в двух шагах от собора. Таким образом, общение самой Анны Григорьевны с о. Мегорским было достаточно длительным, продолжаясь и в 1880-е годы.

Если можно лишь строить предположения о том, кто же из священников Владимирской церкви причащал и исповедовал До-

⁸ См.: ГБЛ, ф. 93.Ш.1.1, л. 480.

⁹ См.: ИРЛИ, ф. 100, № 30707, л. 95 об.

¹⁰ Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. № 30. С. 1397.

стоевского 26 января в день начала его предсмертной болезни, то имя «батюшки», который был рядом с постелью умирающего в последние минуты, можно назвать точно. Имя это, насколько нам известно, еще не появлялось на страницах биографической литературы о Достоевском.

Присутствие священника в доме в самый момент смерти отметил Б. М. Маркевич в написанном «по горячим следам» очерке «Несколько слов о кончине Ф. М. Достоевского» (Московские ведомости. 1881. № 32). Это его свидетельство до последнего времени считалось единственным. Так, И. Л. Волгин, сделав почти исчерпывающую сводку материалов, воссоздающих картину предсмертной агонии, замечает: «Тут Маркевич приводит подробность, отсутствующую в других источниках: „Вошел священник, шепотом начал отходную“». ¹¹ Однако есть источник, не попавший в поле зрения исследователя. Это обозрение Н. А. Лейкина «Из записной книжки» в «Петербургской газете» от 1 февраля 1881 г. Описывая панихиду у тела покойного на следующий день после смерти, Лейкин сообщает: «Панихиду служил священник Владимирской церкви о. Николай. Он же успел прочесть и отходную умиравшему Достоевскому. О. Николай мне рассказывал, что Достоевский испустил последний вздох именно в тот момент, когда были произнесены последние слова отходной». Интересное само по себе свидетельство Лейкина приобретает особое значение в связи со следующим местом из воспоминаний А. Г. Достоевской: «Совершать панихиды был приглашен мною *духовник* мужа о. ...». Здесь в рукописи опять сделан пропуск: Анна Григорьевна вновь запомнила имя (так, с лакуной, это место и печатается в изданиях воспоминаний). Обозрение Лейкина дает возможность восстановить забытое женой писателя имя. В свою очередь, ее свидетельство вносит важный дополнительный штрих в нарисованную Маркевичем и Лейкиным картину: в последние минуты жизни у постели Достоевского находится его *духовник*, священник Владимирской церкви отец Николай. Подтвердить и дополнить наш вывод позволяет уже фигурировавшая выше запись в перечне адресов знакомых, составленном А. Г. Достоевской. Приводим ее теперь дословно: «Никитский Петр Осипович, Гратинский Иван Кузьмич — священники, живут у Влад(имирской) церк(ви). Отец Николай, *духовник*» и позднее другими чернилами: «Михайлович Вирославский. Д(ом) 38/1, кв. 11».

Итак, священник Владимирской церкви, протоиерей Николай Михайлович Вирославский, *духовник* Федора Михайловича в последние годы жизни — новое имя в окружении Достоевского. Именно о. Николай в минуту кончины писателя читает над ним отходную молитву. И как знать — на эту мысль наводит не только факт особых отношений, существовавших между Достоевским и Вирославским, но и точный адрес священника в записной книжке Анны Григорьевны — не он ли исповедует и причащает Федора Михай-

¹¹ Волгин И. Л. Последний год Достоевского. С. 410.

ловича за два дня до смерти? Кстати, его же подпись стоит и на Свидетельстве о смерти Достоевского, выданном вдове через несколько дней после смерти мужа — 9 февраля 1881 г. ¹²

¹² См.: ИРЛИ, ф. 100, № 30605, л. 102 (Копия рукой А. Г. Достоевской).

И. А. БИТЮГОВА

И. Л. ЛЕОНТЬЕВ-ЩЕГЛОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Иван Леонтьевич Леонтьев (1856—1911) пришел в русскую литературу под псевдонимом Щеглов в начале 80-х гг. с продолжавшими толстовскую традицию военными очерками и рассказами, один из которых («Неудачный герой») был опубликован в 1881 г. Салтыковым-Щедриным в «Отечественных записках». Ряд удачных новелл и повестей Леонтьева-Щеглова из жизни артистов и любителей театра («Миньона», «Корделия», «Кожанный актер» и др.), а также роман с широкой панорамой мещанского и дворянского быта того времени «Гордиев узел» (1887) были высоко оценены А. П. Чеховым. К 1887 г. относится и начало дружбы и переписки И. Л. Леонтьева-Щеглова с Чеховым, продолжавшихся более пятнадцати лет. В дальнейшем Щеглов обращается не только к беллетристическому, но и к драматургическому творчеству с преобладанием в нем произведений юмористического плана, порой веселых и несприятельных (например, комедия-водевиль «В горах Кавказа», 1888), порой иронических, но неглубоких (типа «юмористических очерков» и написанной на их основе пьесы «Дачный муж», 1888) или впадающих в шарж (повести и рассказы 1890-х гг. о нравах литературно-театральной среды, выдержанные в желчно-сатирической манере, особенно резкой в повести о последователях Толстого «Около истины»). Обеднению таланта Щеглова способствует противоречивость его взглядов, нарастание в поздние годы патриархально-славянофильских симпатий и отсутствие общей объединяющей идеи, что находит отражение в его повести «Убыль души» (1892), посвященной духовному кризису интеллигента-восьмидесятника. Соответственно, если в первый период своего творческого пути Щеглов пользовался большим успехом у современников, называвших его «учеником Гоголя», «вторым Гаршиным», «русским Джеромом», ¹ то впоследствии, еще при жизни, он постепенно начал утрачивать свою популярность. Переживая свое расхождение с широким миром писателей и издателей, спад интереса к нему читателей, Щеглов, однако, продолжает служить литературному делу. В 1890—1900-х гг. он составляет свои работы о Пушкине и Гоголе, не столь оригинальные, сколь проникнутые любовью к русским гениям, создает книги о

¹ См.: Шах-Нароцианц Л. М. Чествование двадцатилетия литературной деятельности Ивана Леонтьевича Щеглова. Кронштадт, 1902. С. 33—34.